

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 1-го ноября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9828.

Хоръ студентовъ харьковскаго университета.
Съ фотографіи студента Нордштейна.

Маленькая драма.

(Миниатюра).

У Татьяны Павловны нѣть ни родныхъ, ни старыхъ друзей; даже мало знакомыхъ, потому что со многими она разошлась подъ старость. Татьяна Павловна замѣтила, что отъ скучи ли, отъ нечего ли дѣлать женщины становятся подъ старость излишне болтливыми и начинаютъ питать пристрастіе къ сплетнямъ. а сплетенья она терпѣть не могла. Когда порою ея старая горбатая служанка Катерина говорила про сосѣднихъ жильцовъ: „а сосѣдъ-то, барыня, опять нынче дома не ночевалъ“, Татьяна Павловна морщилась и махала руками.

— Замолчи! — говорила она. — Я не хочу этого слышать. Какое намъ дѣло? — Да что же, барыня, я ничего, я говорю правду, — возражала Катерина. — Если бы я выдумала, а то сосѣдъ-то на самомъ дѣлѣ дома не ночевалъ. — Заставлять тебя лизать на томъ свѣтѣ каленые сковородки, — говорила Татьяна Павловна.

— Каленые сковородки? За что же это? За что? — спрашивала Катерина, но старушка спѣшила уйти и въ знакъ неудовольствія хлопала дверью.

Оставшись одна, Катерина съ изумленіемъ поводила плечами и воскликнула: „зачѣмъ же это я буду каленые сковородки лизать, если я говорю правду? Такихъ законовъ нѣть, что бы за правду лизать сковородки“!, но барыня не слышала Катерину. Она

уходила къ своимъ собачкамъ, которыя при видѣ хозяйки поднимали радостный визгъ.

— Милыя! — думала Татьяна Павловна. — Эти не сплетничаютъ, нѣть.

Татьяна Павловна любила собачекъ, и ихъ была у нея порядочная коллекція: десять штукъ; вся нѣжность, которая сосредоточивается у другихъ старушекъ на мужѣ, дѣтяхъ, внучкахъ или старыхъ друзьяхъ, у Татьяны Павловны сосредоточивалась на собачкахъ. Когда люди, мало знакомые съ ней, спрашивали:

— Есть у васъ дѣтки?

Старушка проводила рукой по головкамъ собачекъ и отвѣчала:

— Вотъ мои дѣтки.

Вздохнувъ, она добавляла:

— Другихъ у меня нѣть!

Хотя во вздохѣ ея можно было подслушать легкую грусть, но, въ сущности, она была своими дѣтками вполнѣ довольна. Они огорчали ее гораздо меньше, чѣмъ двуногія дѣтки огорчаютъ своихъ родителей, — примѣровъ чему, по мнѣнию Татьяны Павловны, можно было видѣть вокругъ тьму темъ. Четвероногія дѣтки не кутили по ресторанамъ, не ъѣздили къ цыганкамъ, не дѣлали долговъ, не выдавали ростовщикамъ векселей, за которые приходилось платить однихъ процентовъ чуть ли не больше, чѣмъ было взято денегъ. Четвероногія дѣтки женского пола не тянули денегъ походя то на новое платье, то на новую шляпу, то

на театръ. Съ четвероногими дѣтками было гораздо меньше хлопотъ, чѣмъ съ двуногими.

Правда, время отъ времени одна изъ собачекъ объѣдалась, отчего у нея страшно пучило животикъ, или съѣдала не совсѣмъ свѣжее молоко, слѣдствіемъ чего были спазмы, но это печальное событие не пугало Татьяну Павловну: привычная къ такимъ прописствіямъ, она натирала больной собачкѣ животикъ теплымъ масломъ, завертывала ее во фланель или принимала другія, болѣе подходящія въ данномъ случаѣ, мѣры, и на утро собачка вставала, какъ встрепанная. Татьяна Петровна сажала ее на діету и говорила наставительно:

— Видишь, какъ вредно объѣдаться, Бижу?! Запомни это разъ навсегда, моя милая.

Если же дѣло выходило изъ-за кислого молока, старушка шептала собакѣ:

— Кислымъ молочкомъ Катерина накормила Кадошку? Ахъ, глупая Катерина! Мы ей зададимъ за это: „Катерина, скажемъ мы, — ты сама кислое молоко кушай, а Кадошкѣ свѣженькаго дай; отъ кислого у него животикъ болитъ. Пусть у тебя животикъ болитъ, Катерина, а не у Кадошки“..

И вдругъ надъ мирной старушечьей собачьей идилліей грянулъ громъ; въ одно прескверное утро Татьяна Павловна прочла въ газетѣ о налогѣ, которымъ, по примѣру другихъ горо-

На фотографической выставке в Харькове.

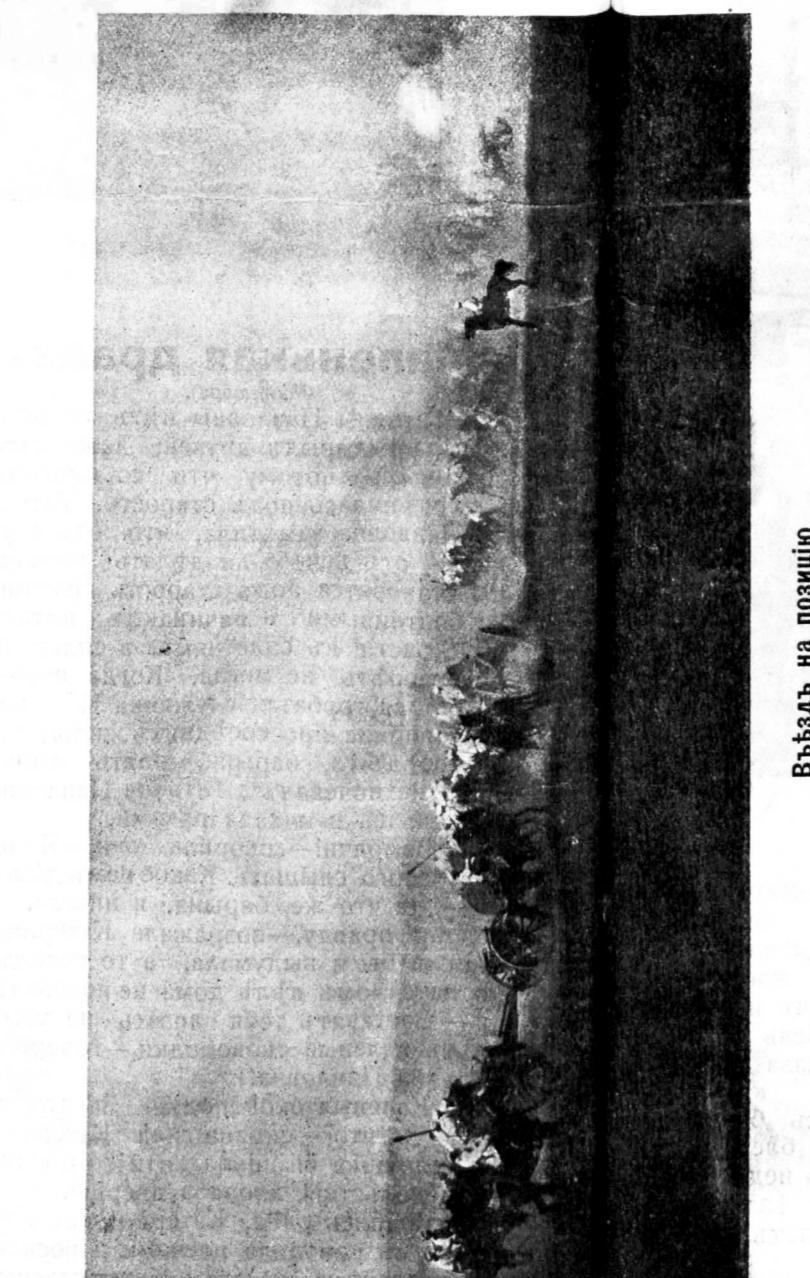
Заводъ Новороссийского Общества (Юзовка).

А. В. Рутченко.

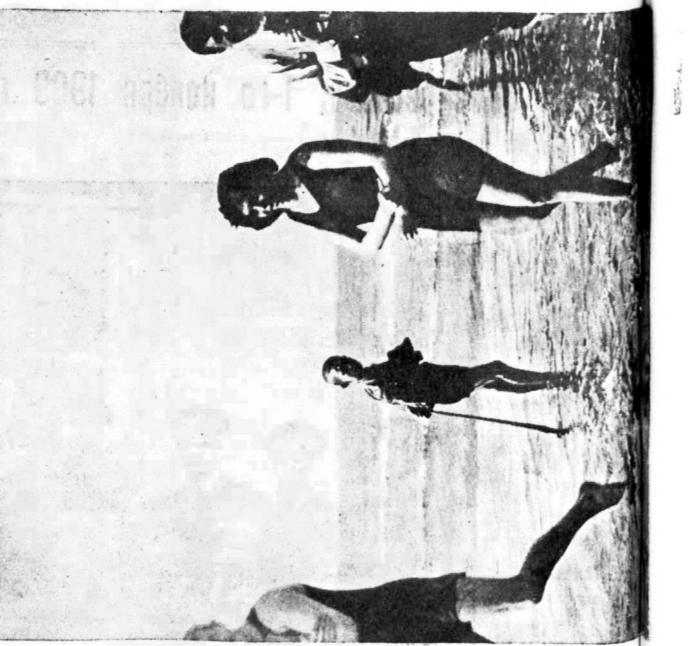
Старый фотографъ

А. М. Иванникаго (внѣ конкурса).

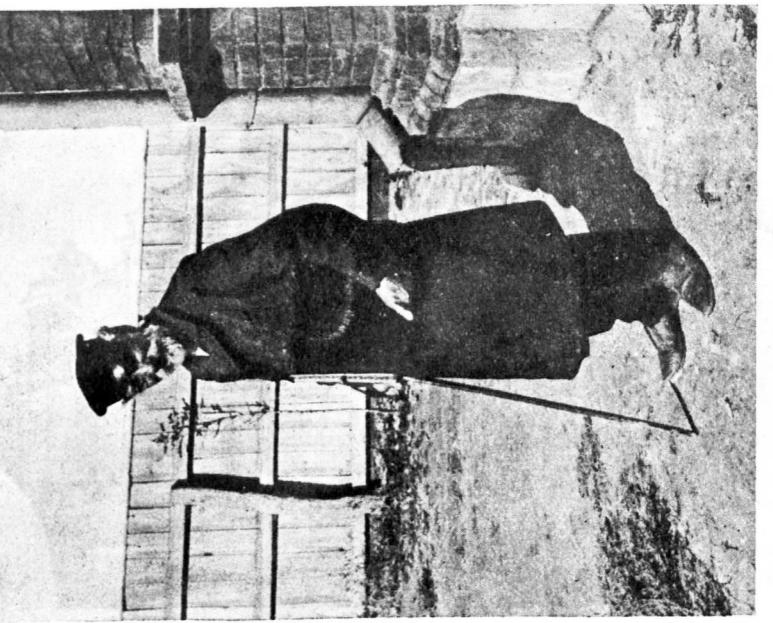
Въззь на позицію

А. М. Иванникаго (внѣ конкурса).

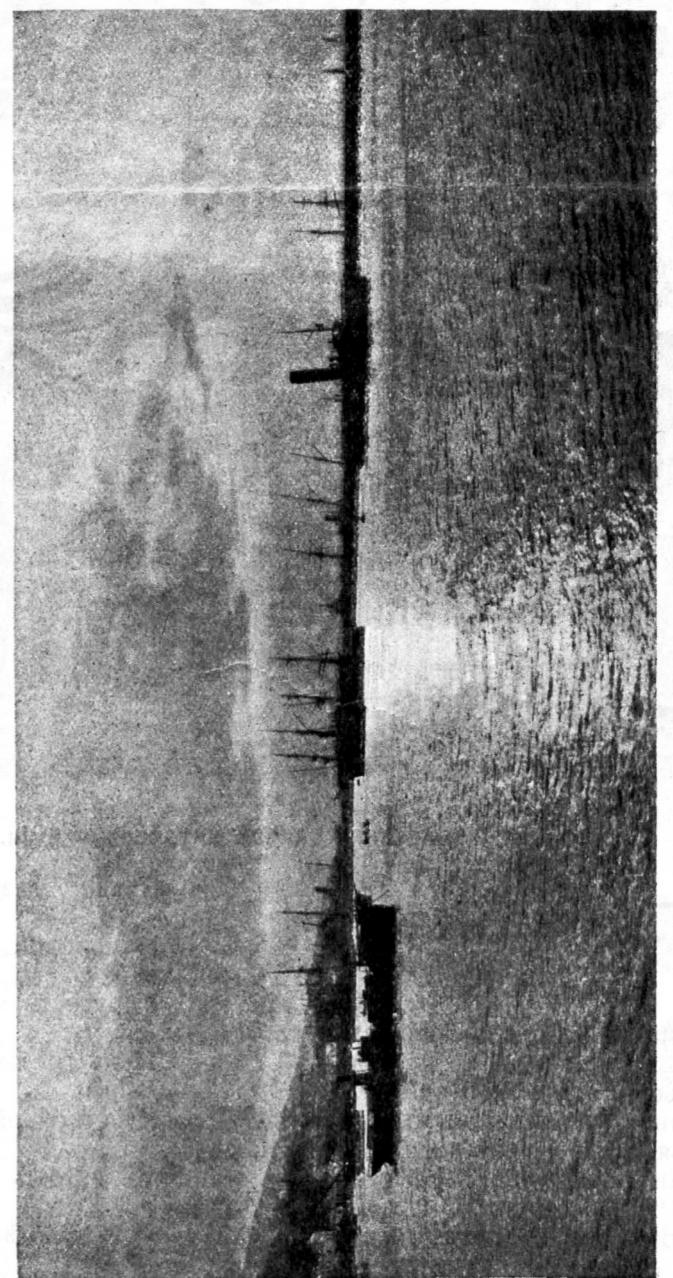
На купаньяхъ въ Остенде.

А. В. Рутченко.

Ходатай

Въ жанрѣ Маковскаго. А. В. Рутченко.

Морской видъ.

А. М. Иванникаго (внѣ конкурса).

довъ, рѣшено было обложить всѣхъ собакъ, большихъ и маленькихъ, комнатныхъ и дворовыхъ. У старушки затряслись руки и ноги. Когда же она оправилась, то первымъ долгомъ побѣжала на кухню.

— Катеринушка,—сказала она.—Слышила страшную новость?

— Какую?

— Рѣшено на собакъ налогъ ввести. Катерина сдѣлала равнодушное лицо.

— Экъ вы хватилися!—сказала она.—Въ мелочной лавочкѣ давно про этотъ налогъ толкуютъ, да я вамъ ничего говорить не хотѣла. Думаю, можетъ быть, шутки шутятъ, такъ зачѣмъ я буду барыню зря огорчать, а теперь если въ газетахъ пишутъ, значитъ, на самомъ дѣлѣ будетъ налогъ,

— Какъ же это такъ, Катеринушка? Какъ же теперь быть, дорогая моя?

Кухарка подумала и отвѣтила спокойно:

— А что-же будете дѣлать, барыня? Ведутъ налогъ, платить придется. Не вы одна! На всѣхъ этотъ самый налогъ наложить...

Татьяна Павловна поблѣднѣла и схватилась за притолоку. Катеринѣ сдѣлалось жаль старушку; она замигала глазами, провела по нимъ ладонью, какъ бы смахивая слезу, и вздохнула.

— Собачекъ то у васъ больно много, барыня, много вамъ за нихъ налогу платить придется,—сказала она.—У другого одна, двѣ собачки, ему пустяки, а у васъ, легко ли, десять штучекъ; если по рублю за собачку класть, выходить десять рублевиковъ. Цѣлый капиталъ.

— Какъ по рублю? Хотять брать по три.

— Батюшки-свѣты, по три? Вѣдь, это что-же, вѣдь, вамъ придется отдать за собачекъ денежка въ денежку тридцать рублей!

— Это невозможно, Катеринушка,—простонала Татьяна Павловна.—Откуда я такую крупную сумму возьму?

Катерина не сумѣла отвѣтить на этотъ вопросъ удовлетворительно, и старушка, шатаясь, поплелась обратно въ комнаты; завидѣвъ собачекъ, она потрясла головой и повторила:

— Это невозможно!

Чуть-чуть оправившись отъ удара, Татьяна Павловна взяла счеты, взяла карандашъ и бумажку и цѣлый вѣчеръ производила подсчетъ своихъ мѣсячныхъ расходовъ, экономя на чёмъ только можно и даже тамъ, где экономить почти было нельзя. Къ почте ея лобъ покрылся холоднымъ потомъ; экономия изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, Татьяна Павловна къ концу года скапливалась только двадцать одинъ рубль на налогъ; три собачки оставались неоплаченными налогомъ. Пенсія Татьяны Павловны была такой маленькой, что урѣзать изъ нея на налогъ тридцать рублей было немыслимо. Изъ-десети три собачки волей-неволей оставались неоплаченными, и ихъ необходимо было отдать. Говоря по совѣсти, Татьяна Павловна не задумывалась надъ вопросомъ—куда отдать, кому отдать? Ей казалось, что масса народа, много семейств оторвутъ у нея съ руками такихъ крошекъ, такихъ прелестей; Татьяна Павловна задумывалась единственно надъ вопросомъ: кого же отдать?

— Отдать Бижутку? — спрашивала сама себя старушка и отвѣчала: „нѣть Бижутку нельзя отдать: это самая преданная изъ всѣхъ собачекъ“.

— Отдать Джальмочку?

— Какъ можно Джальмочку? Джальмочка старенькая, она чаще другихъ прихварывать начала, за ней теперь уходъ будетъ нуженъ, а чужія руки развѣ будуть Джальмочку покоить и холить? Нѣть, нѣть.

Кадошку нельзя было отдать потому, что это былъ самый веселый изъ дѣтокъ Татьяны Павловны; когда онъ начиналъ кувыркаться черезъ голову, даже меланхолики могли умереть отъ смѣха. Тотошу нельзя было отдать потому, что у ней былъ замѣчательно тонкій слухъ и превосходное чутье, и она заливалась лаемъ, чуть только кто-нибудь изъ постороннихъ входилъ на кухню. Джаксонъ такими печальными глазами глядѣлъ на Татьяну Павловну, когда ей однажды случилось захворать, что старушка поклялась ни въ какомъ случаѣ не разставаться съ Джаксономъ. Развѣ отдать Бѣлочку?

— Нѣть, не могу! — простонала старушка съ отчаяніемъ. — Разстаться съ Бѣлочкой? Не могу, не могу!

Легши въ постель, Татьяна Павловна долго ворочалась съ боку на бокъ. А когда, наконецъ, уснула, сонъ ея былъ тяжелъ и исполненъ тревогъ. Ей снилось, что она лишалась то Цыганочки, то Трезора, то, страшно вымолвить, изъ числа ея собачекъ куда-то исчезла бѣлоснѣжная Бобочка. На разсвѣтѣ Татьяна Павловна проснулась съ страшнымъ крикомъ.

— Помогите! — кричала она, хватаясь за голову. — Бобочку украли! Помогите! Кадошка пропалъ!

Кадошка былъ въ комнатѣ; здѣсь же была и Бобочка; Татьяна Павловна пощупала ихъ, погладила по маленькимъ головкамъ, при чѣмъ сонные собаки заворчали нетерпѣливо и опять забрались на постель.

— Отдамъ Бобика, — рѣшила старушка, — Игрунку отдамъ. Это самыя молодыя мои собачки: ни онѣ ко мнѣ не привыкли особенно, ни я къ нимъ. Кого же третьяго? Ну, тамъ подумай-ко.

Но только старушка завела глаза и успѣла уснуть, какъ опять проснулась. Ей приснились Игрунка и Бобикъ, хмурые и грустные, съ полными слезъ глазами.

„Пойдемъ топиться, Игрунка! — говорятъ Бобикъ. — Если насть Татьяна Павловна съ рукъ сбыть хочетъ, больше намъ не остается ничего. Пойдемъ топиться, Игрунка“.

Голосъ Бобика былъ проникнутъ печалью, и крупныя, какъ горохъ, слезы готовы были брызнутъ изъ грустныхъ собачьихъ глазъ.

— Ни за что не отдамъ ни Игрунки, ни Бобика! — съ тоской прошептала Татьяна Павловна. — Бѣдные: они хотѣли топиться! Но кого же отдать? Кого?

Неразрѣшимый вопросъ стоялъ передъ Татьяной Павловной, и въ сумракѣ осенняго разсвѣта она глухо повторяла:

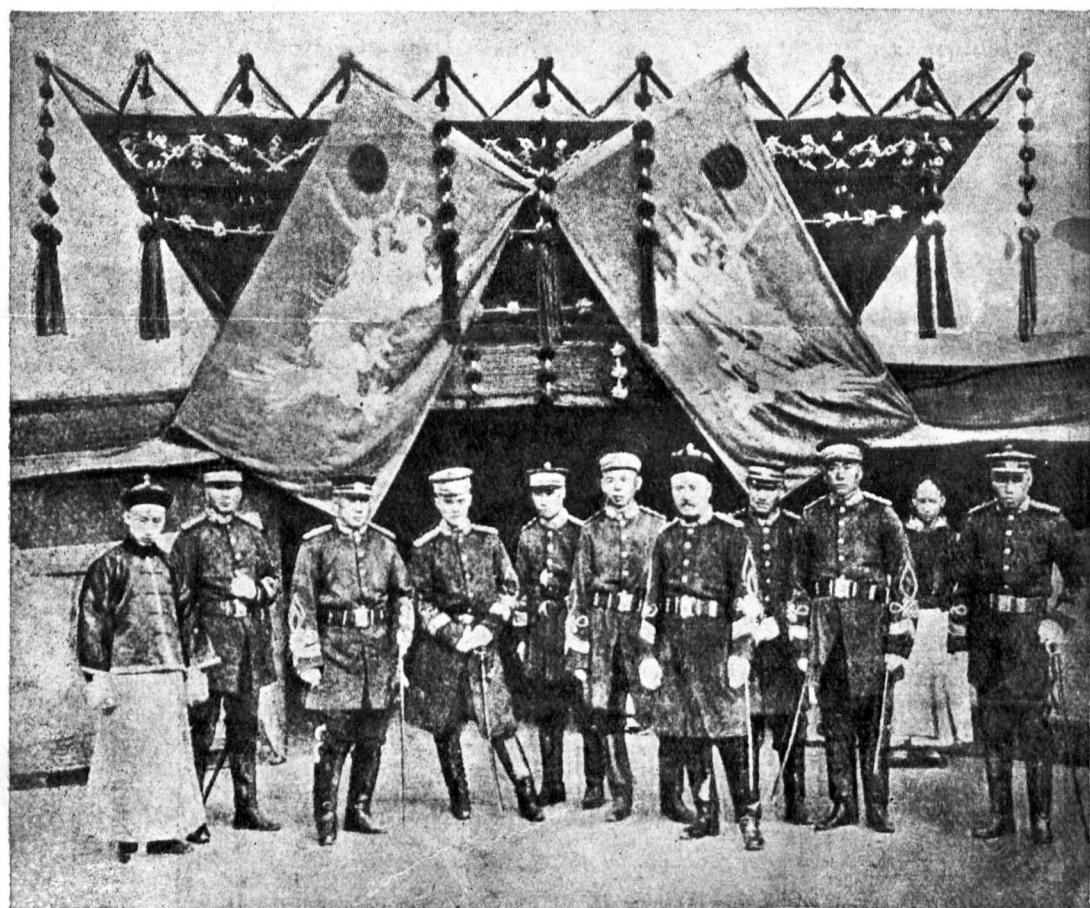
— Кого?

А. Грузинскій.

Саратовскій университетъ, открытый 15 октября.

Зданіе фельдшерской школы санитарного Общества, уступленное полѣ университету на два года. Теперь здѣсь читаются лекціи по медицинскому факультету, и помѣщаются научные кабинеты.

Офицеры реорганизованной китайской арміи.

Пейзажъ.

(Leconte de Lisle).

И солнце въ золотѣ, и скалы пышутъ зноемъ,
Дыханьемъ ароматной теплоты.
И опьяняютъ сладостнымъ покоемъ
Деревья тихія и травы, и цветы.
Въ тѣни серебряной, гдѣ тихіе скады
Спадаютъ въ водоемъ, блестящій
какъ кристалль,
Быковъ лѣнивыхъ медленное стадо
Въ дремотѣ тучной у прохладныхъ
скалъ.

Вдали лазурь и безмятежность
океана.
И молодой пастухъ на локоть на-
клонилъ
Упругость нѣжныхъ плечъ и гибкій
стебель стана
И въ грезахъ томные глаза полуза-
крыль.
На стройной кисти рука браслетъ
узорный блещетъ,
Въ истомѣ нѣжной онъ недвижимо
затихъ.
И бѣлоснѣжный мотылекъ трепе-
щетъ
Въ его кудряхъ роскошно-золотыхъ.

В. Л.